

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

И

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ,

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ГРЕЧЕМЪ

И

ОАДДЕЕМЪ БУЛГАРИНЫМЪ.

Т О М Ъ XX.

(СЫНА ОТЕЧЕСТВА ЧАСТЬ 142-я, СВЕРНАГО АРХИВА 56-я.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечаташи, представлены были въ
Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ,
Мая 23 дня 1831 года.

Цензоръ В. Семеновъ.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1831 № XXI.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОВѢСТЬ О ЖАРЕННОЙ ГОЛОВѢ.

(Изъ новаго Романа: Походженія Хаджи-Бабы.)

Да будетъ всѣмъ извѣстно, что насполящій Хунляръ, или „Кровопроливецъ“ Рума (*), слыветъ спрогимъ Мусульманномъ, и щцательнo печешся о поддержаніи въ народѣ началъ Явной вѣры. При вступленіи своемъ на престоль, онъ объявилъ твердое намѣреніе испребить зародышъ Невѣрныхъ нравовъ, посянный въ Государствѣ необдуманнѣмъ спременіемъ его предмѣспника къ нововведеніямъ, и подарить своихъ подданныхъ испинно Ту-

(*) Румъ, Турція, собственно Восточная Римская Имперія. Хунляръ, или, по Персидскому произношенію, Хунхоръ, „Кровопроливецъ, кровопийца“, есть официальный титулъ Турецкаго Султана, имъ самимъ употребляемый.

рецимъ Правительствомъ. Такъ онъ возобновилъ старинный обычай, пришедшій въ совершенное почти забвеніе, ходить по городу въ *тебдилъ*, т. е. инкогнито, переодѣвшись въ чужое или вовсе неизвѣстное платье. Для вѣрнѣйшаго достиженія своей цѣли, онъ принялъ у себя за правило, переодѣваясь съ большими осторожностями, скрывая даже опись своихъ приближенныхъ родъ наряда, въ кофторѣ, въ данное время, долженствовалъ появиться въ народѣ.

Случилось, что неудовольствіе, незадолго обнаружившееся по всему Государству, произвело въ самомъ Константинополѣ признаки опаснаго волненія, и жители ежечасно спрашивались ужаснаго бунта. Кровопроливецъ, желая лично удостовѣриться въ расположеніи народнаго духа, призналъ за нужное сшить себѣ на сей случай такое платье, какого никто изъ его придворныхъ не видалъ еще на немъ.

Онъ никогда не заказывалъ сего рода платья у одного и того же портнаго; но всякій разъ бралъ инаго закройщика, и то на удачу. Теперь тоже приказалъ онъ любимцу своему изъ бывшихъ евнуховъ, по имени Мансуру, привезти къ нему какогонибудь малоизвѣстнаго мастера, въ полночь, тайно, съ надлежащими предосторожностями.

Невольникъ ударилъ челомъ, и, сказавъ: *башъ устюнъ!* (на мою голову!) — отправилъся искать такого человѣка.

Входя въ *безестанъ*, или „суконные ряды“, онъ примѣтилъ порпнаго, сидящаго на подмоспкахъ въ тѣсной лавочкѣ, гдѣ съ трудомъ можно было повернуться, и почищающаго спарое, запачканное платье. Спина его была согнута дугою, и на носу торчали простые, огромные очки. — „Вопъ именно человѣкъ, какого намъ нужно!“ подумалъ евнухъ: „онъ ужъ вѣрно не въ большой славѣ въ Спамбуль.“ — Порпной такъ прилежно занявъ былъ своимъ дѣломъ, что не хотѣлъ даже вслушавшись съ нимъ въ разговоръ. Когда Мансуръ привѣщивалъ его: „миръ съ вами, господинъ купецъ!“ — по онъ поднимъ только голову, увидѣлъ передъ лавкою богато одѣтаго человѣка, и не отвѣчавъ ему ни слова, опять принялся за работу, въ томъ предположеніи, что такой знаменитый Эфенди не можешъ имѣть дѣла до такого, какъ онъ бѣдняка.

Но евнухъ не удалялся. И такъ порпной снялъ очки, бросилъ работу въ сторону, и хотѣлъ вскочить на ноги, когда тотъ спалъ просить его, чтобъ онъ не беспокоился.

— „Какъ васъ зовуть?“ спросилъ Мансуръ.

— „Абдаллахъ, для пользы вашей службы,“
опвѣчалъ порпной: „но я болѣе извѣстенъ
подъ именемъ Бабадула, какъ у моихъ пріятелей,
такъ и въ городѣ.“

— „Вы порпной, или нѣтъ?“

— „Да, порпной и вмѣстѣ *муэззинъ* ма-
ленькой мечети, что на Рыбномъ рынкѣ. Чѣмъ
же мнѣ быть болѣе?“

— „Славно, Бабадуль Ага! Хочешь ли
взять у меня работу, и хорошую работу?“

— „Я дуракъ, что ли, не брашь работу?
Извольте: снятъ ли съ васъ мѣрку?“

— „Потише, пріятель! Это дѣло важное,
и мы должны сладить его основательно. Со-
гласенъ ли, чтобы я завязалъ тебѣ глаза, и
повелъ тебя въ полночь шуда, гдѣ будетъ
работа?“

— „Это другой вопросъ! Времена теперь
опасныя; головы лешають, какъ груши. Го-
лова бѣднаго порпнаго такъ же легко можешь
свалиться съ плечь, какъ и Визиря или Ка-
пыданъ - Паши. Но если хорошо заплашите,
то — Аллахъ великъ! — я готовъ идти съ
вами. За деньги я въ состояніи сшить каф-
танъ и шаравары для самого *Иблиса*. (*)“

— „И такъ ты согласенъ на мое пред-
ложеніе: вопъ тебѣ два червонца заданку.“

(*) Люциферъ, начальникъ демоновъ.

— „На мой глазъ и мою голову!“ воскликнулъ Бабадуль, принимая деньги. „Скажите только, что дѣлать, а я буду вамъ шить, доколь не переломлю всѣхъ Стамбульскихъ иглокъ.“ —

Евнухъ предварилъ поршняго, что прійдетъ занимъ въ полночь, и удалился. Бабадуль продолжалъ работашь, разбирая въ умѣ спранные требованіе незнакомца. Но удивленіе и безпокойство овладѣли умомъ его: не кончивъ починки плашья, онъ заперъ лавку равнѣ обыкновеннаго, и побѣжалъ домой сообщить жень о своемъ счастьи. Домъ его находился вблизи мечети, которой онъ былъ *муэззиномъ*.

Спарая Дильферибъ, „похипшельница сердець“, согбенная лѣтами обрадовалась, не менѣе своего супруга, при видѣ двухъ полновѣсныхъ червонцевъ, и, въ надеждѣ на значительнѣйшій заработокъ, предложила ему сдѣлать порядочный *кейфъ*. Они купили себѣ сошню кусковъ шеплага *кебаба*(*), соленыхъ огурцевъ, сухаго винограда и сластей; закурили трубки, а Дильферибъ поднесла мужу, не забывая и самой себя, чашку шакого ко-

(*) Рубленное жаркое, приготовляемое надъ углями, на деревянныхъ пруликахъ, съ особенныхъ лавкахъ или харчевняхъ, хозяева коихъ называются *кебабчи*.

фе, горьче и горяче какого ни одна старуха сварить не въ состояніи.

Бабадуль отправился въ полночь въ свою лавку, куда немедленно явился и Мансуръ. Порпной, не говоря ни слова, позволилъ завязать себѣ глаза плапкомъ, и евнухъ повелъ его за руку, по разнымъ извилистымъ переулкамъ. Прибывъ къ Серали, они вошли на дворъ чрезъ тайныя желѣзныя ворота, и Мансуръ ввелъ порпнаго внутрь Султанскихъ палатъ. Тутъ онъ развязалъ плапокъ. Бабадуль очутился въ темной комнапѣ, слабо освѣщенной свѣпильникомъ, шеплившимся на карнизѣ подъ самымъ пополкомъ, но убранный блестящими парчевыми софами и драгоценнымъ ковромъ, покрывавшимъ полъ. Евнухъ просилъ его посидѣть въ этой комнапѣ, и самъ удалился. Чрезъ нѣсколько времени онъ воропился съ узломъ въ рукѣ, связаннымъ салфешкою изъ шалеовой шкани, въ кошорой заключался родъ дервишской рясы. Показывая сей нарядъ порпному, онъ приказалъ ему внимательно разсмотрѣть оный, чпобѣ быть въ состояніи сдѣлать другой подобный, и опять ушелъ.

Бабадуль, сидя на богатой софѣ, ворочалъ рясу на всѣ стороны, исчислялъ стежки и, сообразивъ надлежащимъ образомъ швру и покрой плапья, опять завязалъ оное въ салфешку. Въ слѣдъ за симъ вошелъ въ комнапу че-

ловѣкъ суровой и надменной наружности, при видѣ коего бѣдный порпной поблѣднѣлъ отъ страха. Онъ взялъ съ земли узелъ съ плащѣмъ, и вышелъ въ другія двери, не сказавъ ни слова.

Спустия нѣсколько минутъ, когда Бабадуль шерялся въ догадкахъ о причинѣ сего непостижимаго съ нимъ обращенія, дверь отворилась въ противоположной сторонѣ комнаты, и вошло таинственное лице, въ великолѣпной одеждѣ, также съ узломъ въ рукѣ, связаннымъ шалью. Оно ударило челомъ предъ порпнымъ, приблизилось къ нему съ препепомя, повергло узелъ къ стопамъ его, и удалилось въ молчаніи, не смѣя поднять на него взоровъ.

— „Хорошо! вопъ препій!“ воскликнулъ порпной про себѣ. „Но эпомъ ужъ отдаешь мнѣ такія почести, какихъ я не оказалъ бы родному племяннику Пророка. Но почему мнѣ знашь? — бышь можешь, и я большая фигура. За всѣмъ тѣмъ, лучше бы мнѣ сидѣшь въ своей лавкѣ за починкою стараго плащя, чѣмъ польстишься на большой заработокъ съ подобными людьми. Аллахъ въдаешь, что это значить и что гушь въ эпомъ узлѣ. Они приходятъ и уходятъ, берутъ, кланяюпся, приносятъ въ совершенномъ безмолвіи. Пусть бы эти *пезевекки*, „руфіяны“, мѣше били че-

ломъ предо мною, а говорили бѣ побольше: по крайней мѣрѣ зналъ бы я, что объ нихъ думать. Слышно, что недавно схватили на улицѣ бѣдную женщину, зашили въ мѣшокъ и бросили въ море. Можетъ спастись, велѣшь и мнѣ зашивать когонибудь для подобной цѣли.“ —

Бабадуль разсуждалъ еще такимъ образомъ, когда явился Мансуръ, и приказалъ ему взять узелъ, лежавшій передъ софою. Онъ опять завязалъ ему глаза плапкомъ, и повелъ его на прежнее мѣсто. Вѣрный своему обѣщанію, портной ни о чемъ не спрашивалъ, и только условился съ евнухомъ, что дня черезъ при плащѣ будетъ готово, и поплъ прійдетъ за нимъ въ его лавку, съ десятию червонцами за работу.

Разспавшись съ своимъ соупникомъ, Бабадуль поспѣшилъ домой, гдѣ жена съ неперпнѣемъ ожидала его возвращенія. Идучи дорогой, онъ поздравлялъ себя съ работою, которая стоила того, чтобы поколоть пальцы иглою, и благодарилъ судьбу, испославшую ему счастье на старости лѣтъ его. Было уже около двухъ часовъ по полуночи, когда онъ ворочился домой. Жена встрѣшила его со свѣпильникомъ, на лѣстницѣ, и спросила: — „Ну, что?“ — „Мужде! (благосчастіе!),“ отвѣчалъ онъ: „дай мнѣ подарокъ: я

доспалъ работу, за которую получимъ хорошія денешки.“ — Дильферибъ была обрадована до крайности.

— „Пускай этотъ узелъ остается здѣсь до завтра; теперь пойдемъ спать,“ сказалъ Бабадуль.

— „Нѣтъ, нѣтъ; я хочу прежде увидѣть, что ты принесъ съ собою,“ возразила она. „Я не усну всю ночь, ежели теперь не посмотрю. Взглянь, какая богатая оберпка! Тупъ, въ серединѣ, должно быть чудо.“ — Она поставила свѣщильникъ на полъ, и начала развязывать узелъ. Подъ шалевою оберпкою находилась другая, попроче; далѣ прешья, четвертая; наконецъ, въ послѣдней холстяной салфеткѣ, заключалась — угадайте, что такое? — человѣческая голова, облитая запекшеюся кровію, блѣдная, посинѣвшая, ужасная!

Старая Дильферибъ толкнула ее въ испугъ такъ сильно, что она покапилась по полу. Супруги закрыли себѣ лица руками, потомъ спали глядѣть въ глаза другъ другу въ совершенномъ осполбенѣніи.

— „Вотъ тебѣ работа!“ вскричала жена. „Было зачѣмъ паскаться ночью, Алахъ вѣсть, съ кѣмъ и куда, чпобъ принесъ въ домъ такую мерзость! Не думаешь ли ты изъ этой головы шить кафтанъ чорпу, на большой праздникъ въ аду?“

— „*Анасыны! бабасыны!* (отца его! дѣда его!),“ воскликнулъ порпной гнѣвно и въ недоумѣніи. „Я не Бабадуль, если я этому скопцу-собакѣ не пуцу ушюгомъ въ рожу, при первой съ нимъ встрѣчѣ! Какъ я Мусульманшиъ, такъ чистосердечно думалъ, что онъ сведетъ меня къ своему господину или госпожѣ, которые закажутъ сшить для себя платье, на подарокъ или на что либо другое: а эпомъ рупіянъ — глядь! — подсунулъ мнѣ чужую голову! — Алахъ! Алахъ! что мнѣ теперь дѣлать? Если бѣ я зналъ, по крайней мѣрѣ, гдѣ онъ живетъ, то немедленно пошелъ бы шуда, и въ лице ему бросилъ бы эпу гадость. Теперь того и смотри, что завтра привалишь сюда *Бостанджибаши* (*), съ сотнею другихъ *Баши*, и взыщеть съ насъ цѣну крови, если не вздумаетъ повѣсить насъ въ окошкахъ дома или посадить на колъ. Эй, Дильферибъ, душа моя, говори, что шупъ дѣлать?“

— „Что дѣлать? — Выбросить ее куда нибудь, или передать другимъ,“ отвѣчала она. „Дома держать не возможно.“

— „Но если дѣлать, то поскорѣе,“ при молвилъ порпной. „Скоро начнетъ свѣшанъ: тогда будетъ ужъ поздно.“

(*) Начальникъ полиціи въ Костантинополѣ.

— „Булдумъ! булдумъ! (нашла средство!)“, воскликнула старуха. „Сосѣдъ нашъ Хасанъ, хлѣбникъ, попишъ теперь въ печи и вскорѣ начнешъ печь хлѣбъ для своихъ покупателей. Онъ поже занимается печеніемъ разныхъ яствъ, которыя присылаются къ нему изъ ближайшихъ домовъ, и спавялся передъ печью на зарѣ. Чпо, если бъ я положила эту голову въ горшокъ, и, замазавъ пѣстомъ, снесла къ нему для спеченія? Въ горшокъ никто не заглянетъ: онъ всунетъ его въ печь вмѣстѣ съ прочими; а когда голова будетъ готова, то никто не пойдетъ за нею, и она, буде угодно Аллаху, останется у него.“ —

Бабадуль, удивляясь изобрѣтательности своей супруги, одобрилъ ея предложеніе. Она поспѣшь принялась за дѣло, положила голову въ горшокъ, вынесла на улицу, и, улучивъ время, когда никого не было у печи, поставила его на землѣ рядомъ съ другими горшками. Ондѣлавшись отъ злополучнаго подарка, спарики легли спать, довольные приобрѣщеніемъ шали, въ коей онъ былъ завязанъ.

Хлѣбникъ Хасанъ усердно набивалъ печь свою сухимъ хворостомъ, щепками и соромъ, которые подавалъ ему сынъ его, Махмудъ. Собака, ежедневно приходившая къ нимъ съ улицы, и которой они, какъ добрые Мусуль-

мане, бросали ломшки испортившагося въ печи хлѣба, вилась кругомъ горшковь, и нюхала каждый изъ нихъ по порядку. Вдругъ, остановясь надъ однимъ горшкомъ, начала она ворчать и лаять. Опець, коему собака докучала своимъ голосомъ, сказалъ сыну изъ печи :

— „Махмудъ! посмотри, чего она бѣсится. Тамъ должно быть чтонибудь такое.“ —

Сынъ обошелъ горшки кругомъ, и не примѣнилъ ничего особеннаго: онъ прогналъ собаку, и отвѣчалъ: — „*Биръ шей йокъ!* (ничего нѣтъ).“

Но собака ворочилась, и опять начала ворчать и лаять. Хасанъ, запопивъ въ печи, самъ пошелъ доискиваться причины ея безпокойства. Онъ увидѣлъ, что собака приспально нюхаетъ горшокъ порпнаго, бѣгаетъ кругомъ, и воеетъ. Лишь только Хасанъ къ ней приблизился, она вскочила ему на грудь — попомъ бросилась къ горшку — попомъ снова къ нему — такъ, что наконецъ хлѣбникъ убѣдился, что содержаніе сего сосуда должно быть для ней крайне занимательно. Онъ рѣшился полюбопытствовать; но, приподнявъ крышку, былъ пораженъ споль же ужаснымъ, какъ и нечаяннымъ видомъ: голова человѣческая, съ открытыми глазами, смотрѣла ему прямо въ лице.

— „Алахъ! Алахъ!“ вскричалъ Хасанъ. Другой на его мѣстѣ пошчасъ упалъ бы въ обморокъ; но Турецкій хлѣбникъ не былъ споль чувствившелень. Онъ прехладнокровно закрылъ горшокъ крышкою, и позвалъ къ себѣ сына.

— „Махмудъ! взглянь на меня! — свѣшъ не хорошъ, и на свѣшъ естъ дурные люди,“ сказалъ онъ. „Какой-то превращный *Кяфиръ* (Невѣрный) прислалъ къ намъ, вмѣсто кулебяки, челоувѣческую голову. Благодаря нашей звѣздѣ и эпой собакъ, печь наша избѣжала оскверненія, и мы, по милости Пророка, будемъ еще выпекать хлѣбъ чистыми руками и по чистой совѣспи. Но если сосѣди о помѣ узнають, то мы пропали: нигло не спанешъ покупать нашихъ булокъ, и по городу пойдуть слухи, будто мы въ пѣсно подливаемъ челоувѣческаго жиру. Случись же въ хлѣбъ хопъ одинъ волосокъ, какъ разъ скажущъ, что онъ завился въ пѣсно изъ бороды прупа. Придется умереть съ голоду.“ —

Махмудъ, юноша лѣтъ двадцати, споль же безчувствивенный, какъ и отецъ, но веселый и остроумный, принялъ событіе сіе въ шутку, и захохоталъ во все горло, видя, какъ спранно бѣдная голова Правовѣрнаго выглядываетъ изъ стараго горшка.

— „Не подкинушь ли намъ ес нашему

сосѣду, насупротивъ, Кіоръ-Алію, брадобрѣю?“ сказалъ Махмудъ опцу. „Онъ теперь опшираетъ свою лавку, и какъ онъ слѣпъ однимъ глазомъ, то не скоро спохватится. Позвольте, батюшка, сыграетъ съ нимъ эту шушку: будетъ смѣху довольно, а я ручаюсь, что меня никто не увидитъ.“ —

Отецъ одобрилъ мысль Махмуда, который, взявъ горшокъ подъ полу, мигомъ выскочилъ на улицу. Онъ подсперегъ время, когда Кіоръ-Али (*) пошелъ къ ближайшему водопоку, для совершенія упренныхъ умовеній, втерся пищикомъ въ его лавку, поставилъ несчастную голову въ *такге*, или ниши, сдманной въ спѣнѣ, надъ скамьею, и, чпобъ ловче обмануть слѣпаго хозяина, накинулъ ей полотенце кругомъ шеи, приспроивъ кафтанъ его на скамѣ, какъ будто приходій услся на ней для бришья. Довольный своимъ изобрѣненіемъ, юноша проворно вышелъ изъ лавки, и укрылся по другую сторону улицы, чпобъ посмопрѣть, что будетъ.

Кіоръ-Али вошелъ, прихрамывая, въ лавку, слабо освѣщенную раннимъ свѣтомъ, который съ трудомъ проникалъ сквозь тусклую масляную бумагу, замѣнявшую стекло въ его окошкахъ. Убирая разбросанныя по скамьямъ вещи, онъ вдругъ увидѣлъ лице человеческое

(*) Кіоръ значитъ „слѣпой, кривой, одноглазый.“

и самого челоуѣка, съ полопенцемъ на шеѣ, ожидающихъ его производсва.

— „Гаааа! *селамъ алейкумъ!* (миръ съ вами!) добро пожаловать!“ воскликнулъ онъ, „Я васъ сперва не примѣпилъ. Раненько вы къ намъ пожаловали; у меня нѣтъ еще пеплоу воды. Но въ мигъ будешь гошово. Вы, кажешся, хопите побришь себѣ и голову: пожалуй, ради моего глаза! Но зачѣмъ снял свой *фесъ* такъ скоро (*)? Проспудитесь: накрывайте голову Э? — онъ, вижу, глухъ, а, можешь бышь, и нѣтъ вмѣстѣ: пеперь многимъ опрѣзываютъ языки, за болповсво. Хорошо!“ примолвилъ брадобрѣй, возвысивъ голосъ: „вы крѣпки на ухо и безъ языка, а я кривъ и хромъ: мы съ вами идемъ подъ пару. Но не бойшесь: не заѣду бритвой за ухо. Рука у меня ловка и легка, и, буде угодно Алаху, такъ вамъ заскребу по лбу спалью, чпо, Эфенди мой! заскрипите у васъ на сердце. Двѣ вещи умѣю дѣлать славно: владѣть бритвою и пить вино. Га! чпо вы изволили говорить? Вы не любите вина? Пустое, Эфенди мой, пустое! Вино вещь удивительная! Хафизъ говоритъ прекрасно:

„Подай, подчашій, вина ошашокъ!“

(*) *Фесъ*, красная ермолка, которую Турки носятъ подъ чалмоу.

раждающся новыя отношенія и внутри Государства и съ другими народами. Въ вѣкъ геройскій обыкновенно сами Цари чинили судъ и расправу, хотя и судьи опнюдь также не были необыкновенны. Письменныхъ законовъ вовсе не было; обычай и здравый человѣческій разумъ, руководимый правдолюбіемъ, рѣшали дѣла.

Коль скоро народы спановяпся нѣсколь-
ко выше грубаго состоянія дикихъ, по пер-
вая чувствуемая потребность естъ безопас-
ность лицъ, а потомъ уже безопасность
собственности. Законодательства народовъ
всегда начинались уголовными и полицейскими
законами; опредѣленія Гражданскаго Права
составлялись позже и медленнѣе, ибо ранѣе
оныя не были нужны. Древнѣйшія судилища
Грековъ образовались весьма рано, — вѣроятно
еще въ правленіе Царей. Въ самомъ на-
чалѣ они назначены были для разбиранія пре-
ступленій уголовныхъ — смертоубійства и
другихъ, близкихъ къ сему. Таковъ былъ Арео-
пагъ, древнѣйшее изъ судилищъ Греческихъ;
другіе Суды древностию своею не много
уступаютъ Ареопагу.

Правленіе Царей прекратилось, и тогда
народныя собранія заступили ихъ мѣсто.
Впрочемъ существовавшія уже судилища опъ
сего не уничтожились, хотя въ продолженіе

времени, при перемѣнѣ государственныхъ постановленій, они и испытывали въкоротъ измѣненія.

Форма судебнаго устройства въ новыхъ Государствахъ Европы произошла изъ формы феодальнаго управленія. Во времена сего управленія образовалась поспешенность ленной іерархіи, а ошшуда правило: всякой можеть бытъ судимъ только равными себѣ. Непосредственный васалъ короны признавалъ своими судіями только тѣхъ, кои находилсь на той же степені ленной іерархіи. Человѣкъ свободный и рабъ не могли бытъ судимы въ одномъ и томъ же судилищѣ. Правило сіе — бытъ судиму равными себѣ — конечно имѣло мѣсто и у Грековъ; но приложеніе онаго долженствовало имѣть слѣдствіемъ совершенно другой результатъ. Собраніе состояло изъ гражданъ, которые были равны между собою, или должныствовали бытъ таковыми. Въ семъ собраніи разбирали дѣла, касающіяся до гражданъ, слѣдовательно и жалобы или иски. Такимъ образомъ собраніе содѣлалось судьей, чѣмъ и положено было основаніе судамъ народнымъ. Политическая идея, совершенно чуждая нашимъ правленіямъ, — что имѣть участіе въ судахъ есть существенная принадлежность гражданина, — содѣлалась тогда господствующею. Идея сія

не могла возникнуть и осуществиться даже и в странах изъ нашихъ новыхъ обществъ, которыя имѣли споль много сходнаго съ Греческими Републиками, по еспь, въ Нѣмецкихъ Имперскихъ городахъ. Здѣсь приняты были законы древняго народа, на древнемъ языкѣ писанные; чпобы понимать и употреблять сіи законы, пребовались ученые свѣдѣнія, кои не всякой могъ пріобрѣсть. Не такъ было въ Греціи. Здѣсь законы были изложены на опечественномъ языкѣ, и хопя, безъ сомнѣнія, мало по малу возраспали въ своемъ количествѣ, при всемъ помѣ были для всѣхъ доступны. Не было также нужды удерживать оныя въ памяти и всегда имѣть съ собою. Орапоръ, во время произношенія рѣчи, имѣлъ подлѣ себя чпеца (*γραμματεὺς*) со спискомъ съ оныхъ. При каждой ссылкѣ или указаніи на какой нибудь законъ, онъ приказывалъ чипать оный, чему служалъ свидѣтельствомъ многіе примѣры Демосѣена и другихъ Орапоровъ. Все производство было успное. Судьи не имѣли надобности чипать акны, — они слушали и подавали свои голоса.

Все сіе, по видимому, весьма просто и легко для обозрѣнія. Но на самомъ дѣлѣ, ежели судить по одному Государству, гораздо болѣе намъ извѣстному — по Аѣинамъ, по

Судопроизводство Грековъ было такъ запутано, что даже для знамоковъ древности трудно не заблудиться въ семь лабиринтъ. Особенно ошибаются тѣ, которые въ теоретическихъ идеяхъ слиялись найши нить Ариадны, забывая, что здѣсь все образовалось только съ теченіемъ времени, практически, но опнюдь не систематически.

Первое и важнѣйшее затрудненіе встрѣчается въ опредѣленіи характеристикскаго различія между публичными и частными Судами. Сіе различіе было всеобщимъ не только въ дѣйствительно существовавшихъ Государствахъ, но даже Платонъ въ своемъ идеальномъ изображеніи Республики смотритъ на судебное устройство съ той же точки. Дѣйствительно, оба рода Судовъ столь рѣзко отличались одинъ отъ другаго, что не только въ общихъ, но и въ частныхъ отношеніяхъ употребленіе ввело и утвердило даже совершенно различныя выраженія для того и для другаго рода (*).

(*) Публичная жалоба называлась *γραφῆ* и *κατήγορος*, жаловаться или обвинять кого — *διώκειν*, быть обвиняему — *φέρειν τὴν γραφὴν*. Частная жалоба называлась *δίκη*, обвинять кого — *εἰσαγγεῖν* и *εἰσφέρειν τινὶ δίκην*, быть обвиняему *ὑφέλειν τινὶ δίκην*. Таковыя выраженія были по крайней мѣрѣ въ Афинахъ. *Примеч. Авт.*

Безъ сомнѣнія, при семъ раздѣленіи служили основаніемъ нѣкоторыя всеобщія идеи, по которымъ еще Планонъ дѣлаетъ различіе между Судами. „Одинъ родъ жалобъ (исковъ),“ говоритъ онъ: „есть попь, когда чашпный челоуѣкъ, жауясь на обиду, другимъ чашпнымъ челоуѣкомъ ему нанесенную, зовешъ его предъ Судъ. Другой родъ напшвъ ешп попь, когда гражданинъ, почпшая кого нибудь изъ согражданъ прешпунникомъ пропшву Государспва, о пошь доносшп.“ По сему объясненію, кажется, нѣтъ ничего проще и очевиднѣе, какъ различіе между государспвенными и чашпными жалобами. Но ежели будемъ сравнивать попь и другой классъ по содержавшимся въ нихъ предметамъ, то увидимъ, что нѣкоторыя жалобы производимы были какъ государспвенныя, между шѣмъ какъ оныя кажутся къ сему классу не принадлежащими. Сіе происходило отъ двухъ причинъ.

Первая заключалась во мнѣніи, какое имѣлъ Грекъ объ отношеніи каждаго гражданина къ Государспву. Лице гражданина въ сихъ Государспвахъ значило весьма много, да иначе и бытъ не могло, поелику на обладаніи правомъ гражданства утверждалось все личное состояніе. Посему въ лицѣ одного гражданина, нѣкоторымъ образомъ, было все-

гда оскорбляемо Государство, и следовательно на всякую обиду, причиненную одному недѣлимому, можно было смотрѣть, какъ на дѣло государственное. Но здѣсь уже дѣлаемо было различіе, смотря по важности или легкости оскорбленій, смотря по тому, до лица ли оныя касались, или до собственности.

Впрочемъ присоединилось къ сему другое обстоятельство, именно то, что большею частію опредѣлялъ обычай, какое преступленіе почиталъ публичнымъ, и какое частнымъ, а что однажды опредѣлялъ обычай, то имѣло силу закона. Но кто можетъ опыскавъ всѣ, очень часто случайныя причины, по коимъ въ то или другое время, та или другая жалоба дѣлалась публичною?

И такъ прудъ нашъ былъ бы напрасенъ, если бы мы захопѣли вѣрно провести разграничительную черпу между сими предметами. Нельзя сказать, напр., что всѣ уголовные случаи принадлежали къ публичнымъ дѣламъ, хотя большая частъ или важнѣйшіе изъ оныхъ сюда и принадлежали. Нельзя сказать, что сюда относились только преступленія противъ Государства, хотя, безъ сомнѣнія, въ дѣломъ сіе понятіе служило тому основаніемъ. При семъ случаѣ должно оспановиться на томъ, что обычай былъ причиною, по которой одни преступленія почитались государственными, а другія частными. Но опре-

дѣленія о семъ, по крайней мѣрѣ въ Аѣнскомъ Правѣ, были весьма ясны. Въ немъ съ великою почтностію показано, какія жалобы были публичными, и какія частными.

Характеръ пѣхъ и другихъ опличался существенно тѣмъ, что въ публичныхъ дѣлахъ жалобу приносили могъ каждый гражданинъ; въ частныхъ, напрошивъ, только оскорбленный, или его ближайшіе родственники; ибо тамъ Государство или цѣлое собраніе гражданъ почтшалось спороною обиженною, а здѣсь только лице недѣлимое.

Но кто бы ни былъ проситель, онъ долженъ, какъ въ публичныхъ, такъ и въ частныхъ дѣлахъ, изъяснить жалобу свою государственному чиновнику (въ Аѣнахъ Архонту), и опредѣлительно показать пресупленіе, въ которомъ кого нибудь обвиняетъ. Чиновникъ, къ которому поступила жалоба, долженствовалъ устроить процессъ такъ, чтобы оный могъ быть предъставленъ предъ судей. Судіями были или цѣлое собраніе или особенныя дикастеріи, которыя, можетъ быть, лучше называть народными комиссіями. Ибо Суды состояли большею частію изъ весьма многочисленныхъ собраній, члены коихъ, по жребію назначаемые изъ гражданства, должныствовали быть, въ Аѣнахъ 30 лѣтъ, съ честнымъ именемъ и ни въ чемъ не ви-

новныя предъ Государствомъ. При вступленіи въ должность, ихъ заставляли принимать присягу; предъ ними, въ определенное время, говорили Ораторы, какъ обвинявшіе, такъ и защищавшіе; слушали показанія свидѣтелей, и дѣю производилось дополь, когда Судъ могъ произнести обвиненіе или оправданіе. Въ первомъ случаѣ приступали къ определенію наказанія. Если наказаніе сіе было уже определено прежнимъ закономъ, поспчасъ оное исполняли; ежели же преступленіе было такое, какого прежде не бывало, по сначала самъ ошвѣщчикъ могъ назначать наказаніе, какого онъ почипалъ себя достойнымъ, а потомъ уже Судъ дѣлалъ окончательное рѣшеніе.

И такъ судища сіи, по своему устройству и назначенію, были не что иное, какъ наши Прислжные Суды, съ тою, впрочемъ, разностию, что послѣдніе состоятъ полько изъ двѣнадцати Членовъ, между пѣмъ какъ первые нерѣдко состояли изъ многихъ сошенъ. Собственнно, они заступали полько мѣсто цѣлаго собранія гражданъ, и состояли изъ избранныхъ изъ онаго Членовъ, поелику, съ великимъ возрастаніемъ числа исковъ, все собраніе не могло бытъ созываемо при каждомъ случаѣ. Почти невѣрояпно, чтобы тамъ, гдѣ Члены были споль многочисленны, какъ

напр. въ Галиеѣ — въ Аѣпахъ, — каждое дѣло было производимо въ полномъ собраніи. Гораздо вѣроятнѣе по, что, съ умноженіемъ жалобъ, въ одномъ и томъ же Судѣ образовались многія отдѣленія, въ коихъ нѣсколько тяжбныхъ дѣлъ могли производиться въ одно время.

При семъ различіи между публичными и частными жалобами надлежало бы предполагать, что и Суды, въ коихъ производились тѣ и другія, были различны. Но сего различія Судовъ не существовало: жалобы того и другаго рода могли бытъ производимы по принадлежности въ одномъ и томъ же Судѣ. Посему разность долженствовала состоять въ законныхъ средствахъ, копорыя находились во власти той и другой партіи, и въ ходѣ процесса. Еще болѣе страннымъ можетъ казаться намъ по, что столь мало, по видимому, было твердыхъ опредѣленій, какія жалобы принадлежали къ тому или другому судебному мѣсту, такъ что прудъ нашъ — со всею точностію опредѣлимъ сіе — былъ бы совершенно напрасенъ. Но и въ настоящее время не находимъ ли мы въ Англіи доказательствъ тому, что невозможно ожидать точныхъ опредѣленій тамъ, гдѣ судебное устройство образовалось только по обстоятельству? Конечно уголовныя дѣла

принадлежать здѣсь исключительно Королевскому Надворному Суду (*Kingsbench*); но въ гражданскихъ дѣлахъ участвуютъ вмѣстѣ съ онымъ Надворный Судъ (*Court of common pleas*) и Камерный Судъ (*Court of Exchequer*), хотя, съ немногими исключеніями, извѣстные роды исковъ и не принадлежать къ сему или къ оному Суду исключительно.

Все, что мы доселѣ сказали объ устройствѣ Судовъ, заняло большею частію изъ Аѳинъ; но нѣтъ ни какого сомнѣнія, что сіи изслѣдованія во многомъ могутъ быть приложены и къ другимъ Греческимъ городамъ. Впрочемъ нельзя умолчать здѣсь объ одномъ великомъ различіи. Хотя народные Суды введены были въ большей частии городовъ Греческихъ, но были, напротивъ, и такіе, въ которыхъ они, кажется, не имѣли мѣста. Такъ напр., въ Спартѣ (ежели я хорошо понимаю Аристотеля) не было ни одного народнаго Суда, а всѣ тяжбы рѣшались государственнымъ чиновниками. Если бы Спарта имѣла сіи Суды, то неужели бы нигдѣ объ оныхъ не было упомянуто? И ежели вообще, какъ говоритъ Аристотель, главный характеръ демократіи естъ то, что всѣ судятъ всѣхъ, то не должны ли мы изъ сего заключить, и не явствуетъ ли изъ самаго свойства вещи, что тамъ, гдѣ образовалось владычество немно-

гихъ (олигархія), народные суды должны существовали уничтожились?

Примеръ Аѳинъ ясно и разительнo показываетъ, какимъ образомъ устройство сихъ народныхъ судовъ могло преимущественно опредѣлять весь характеръ какого нибудь Государства. Главная причина, почему сіе возможно было въ Аѳинахъ, заключалась конечно въ великой обширности, которая здѣсь усвоена была публичнымъ искамъ, здѣсь, гдѣ всякой, кто только хотѣлъ, могъ быть челобитчикомъ. Судя по организаціи Греческихъ городоуправленій, мы не можемъ сомнѣваться, чтобы и въ большей части прочихъ Греческихъ городовъ не имѣли мѣста Суды народные, коихъ форма могла быть не совсѣмъ одинакова, впрочемъ подобна Аѳинской. Существованіе оспракизма въ Аргосѣ, пепализма въ Сиракузахъ, предполагаетъ уже существованіе оныхъ. Но такой же ли кругъ государственныхъ дѣлъ былъ въ другихъ городахъ, какой въ Аѳинахъ, столь ли многія дѣла, копорья, по нашимъ понятіямъ, касались только въ частности до гражданина, а не до Государства, какъ Государства, признаваемы были за государственныя, о помѣ, къ сожалѣнію, мы вовсе не имѣемъ извѣстій.

Но надобно признаться, что многое, хотя практически, должно существовало зависѣть

опъ сего обстоятельство, совершенно пренебреженнаго пѣми, которые писали о Греческомъ Судопроизводствѣ, (ибо они всегда имѣли въ виду только Аѣнны, и болѣе юридическую, нежели политическую часть). Чѣмъ ограниченнѣе было число публичныхъ жалобъ, тѣмъ менѣе также возможности приносить оныя въ Судъ, не претерпѣвъ личнаго оскорбленія. Разсмапривая респръ публичныхъ жалобъ въ Аѣннахъ, мы найдемъ между ними множество такихъ, которыя по своей сущности были весьма неопредѣленны. Опъ сего-то происходила великая удобность, какъ говорятъ, навязавъ кому нибудь на шею государственный процессъ. Стоить только представитъ себѣ время всеобщаго упадка нравственности, чшобы понять, до какой степени, со времени Пелопоннесской войны, могло умножиться число лбедниковъ, прошиву коихъ такъ громко вопіютъ Ораторы, и прошиву коихъ всѣ мѣры, состоявшія въ строгомъ наказаніи за ложные доносы, мало или ни сколько не помогали.

Существовало ли зло сіе въ другихъ городахъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, кои имѣли демократическое правленіе? Исторія при семъ случаѣ не помогаетъ намъ; ибо она ничего почти не сохранила для насъ объ обширности государственныхъ процессовъ и Судахъ народныхъ. Хотя въ Аѣннахъ присоединился

многія особенныя причины, часпію въ народномъ характерѣ, часпію въ политическомъ могуществѣ заключавшіяся, (ибо важность государственныхъ дѣлъ возрастаетъ въкопиримъ образомъ въ равномъ отношеніи съ важностію Государства), причины, которыя умножали роды жалобъ, однако изъ сего нельзя заключить о гораздо меньшемъ числѣ оныхъ въ прочихъ Греческихъ Государствахъ. Народныя Суды суть источникъ политическихъ переворотовъ, — а въ какихъ Государствахъ было оныхъ болѣе, нежели въ Греческихъ? Человѣкъ, имѣющій большое вліяніе, будучи всегда окруженъ зависниками, болѣе всѣхъ долженъ опасаться — прійти въ такое состояніе, въ которомъ споль легко можно найти причину къ жалобамъ; но такой человекъ имѣетъ также многія средства, кромѣ судебныхъ, помочъ себѣ въ семъ случаѣ. Чувствуя себя довольно сильнымъ, онъ принимается за оружіе вмѣстѣ съ своими приверженцами, и, вмѣсто собственнаго удаленія изъ города, охотнѣе изгоняетъ своихъ противниковъ, и полагаетъ шѣмъ конецъ плябѣ. Если бы мы почтнѣе и подробнѣе знали Исторію безчисленныхъ государственныхъ переворотовъ въ Греческомъ мрѣ, то сколько бы часто встрѣчали сія явленія! Но хотя мы и не всегда можемъ подтвердить оныя истори-

ческими доказательствами, при всемъ томъ въ цѣлюмъ они не подлежатъ сомнѣнiю; и онъ сего-то дѣлается понятною та ясная связь, копорая находится между Государствами и ихъ судебнымъ устройствомъ.

Всѣмилннъ Покровскій.

III.

Н О В А Я И С Т О Р І Я.

ЦАРСТВОВАНИЕ ФРИДРИХА I.

(Отрывокъ изъ Исторiи Пруссiи, соч. Камилла Патанеля (*).

Вскорѣ по смерти Фридриха Вильгельма, Курфиршество заняло мѣсто между Королевствами. — Одна мысль, мысль постоянная, занимала Фридриха, его сына: содѣлаться Королемъ и носить корону, заслуженную его предшественникомъ.

Генiй Великаго Курфирста доставилъ Бранденбургiи первенство въ Германiи; сплѣнѣйшия Европейскiя Державы отпраляли къ его сыну Пословъ съ поздравленiями о вступ-

(*) Подписка на сію книгу принимается въ книжныхъ магазинахъ Смирдина, Сленина и въ книжныхъ лавкахъ Глазунова. Смотри Сѣвери. Пч. No 78.

плени на престоль Курфиршескій. — Молодой Государь принялъ ихъ великолѣпно; съ тѣхъ поръ, устроивая дворъ свой по образцу Версальскаго, Фридрихъ подражалъ въ пышности Лудовику XIV.

Онъ явилъ свое благоразуміе, удержавъ при себѣ Министровъ отца своего, большая часть коихъ съ истинными паланпами соединяла долготременную опытность.

Но Германія снова пылала войною. Лудовикъ поджигалъ оную: припязанія невѣстки его, Герцогини Орлеанской, на нѣкоторыя узды (baillages) Паланпинапа; отказъ Императора измѣнить перемиріе Регенсбургское въ вѣчный миръ; честь Франціи, заставлявшая его поддерживать противъ Императора, избраннаго Кельнскими Канониками Князя Фюршемберга; тайное намѣреніе Императора, шопчасъ, по заключеніи мира съ Турками, напасть на Францію; но болѣе всего Аугсбургская лига, — были спашьи, къ копорымъ привязывался Лудовикъ.

Онъ думалъ, что благоразуміе предупредитъ, нежели ждашь непріятеля. — Но кромѣ причинъ, изложенныхъ въ манифестѣ, Король имѣлъ еще одну тайную, а именно: онъ думалъ симъ основанъ походъ Вильгельма Оранскаго въ Англію и поддержать престоль Іакова II. Французскій Дворъ на-

дѣлся, что Голландія, видя около себя свирѣпствующую войну, не осмѣлился ввѣрнуть флотъ свой Шпатагальперу. — Лудовикъ предвидѣлъ также, что въ особѣ Принца Оранскаго опаснѣйшій непріятель его взойдетъ на престолъ Англійскій, и что Вильгельмъ мечемъ загладишь безчестіе, нанесенное коронѣ сребролюбивымъ Карломъ II.

Тогда-то безжалостный Лувуа осудилъ на смерть цѣлыя обласпи. — Весь Палапинашъ, всѣ земли, непосредственно сопредѣльныя Эльзасу, были опустошены мечемъ и пламенемъ. Среди зимы, въ Февраль мѣсяцъ, Имперскіе города, Шпейеръ и Вормсъ, главные города въ Палапинашъ, Маркграфстввахъ Бадень-Баденскомъ и Дурлахъ-Баденскомъ, болѣе 40 цвѣтущихъ городовъ, безчисленное множество селъ и деревень содѣлались добычею пламени, и несчастные обитатели ихъ, не имѣя пищи и одежды, были принуждены искать убѣжища даже во глубинѣ Америки. — Нарушая святость гробовъ, солдаты, жаждущіе добычи, открыли гробницы Курфирстовъ Палапиновъ въ Гейдельбергъ и древнихъ Императоровъ въ Шпейеръ. — Но преступная надежда ихъ была обманута: вмѣсто золота и дорогихъ камней, нѣсколько скелетовъ въ свинцѣ, — вопъ ихъ добыча. — Менте не жели въ двѣ цѣдли, плодоноснѣйшая спрана

Германія дымилась подъ горами развалинь. — Низкое варварство, еще болѣе ожесточившее враговъ Франціи! —

Озлобленный прошивъ сей Державы ненавистью, которую Австрійская сторона искуснымъ образомъ умѣла поджечь, испуганный призракомъ — всемірною Монархіей, помощію коего Австрія воздвигала половину Европы прошивъ Лудовика и утверждала собственное свое могущество, — юный Курфирстъ послѣшилъ на помощь Императору. — Чтобы въ то же время помочь ему прошивъ Турокъ, онъ послалъ 10,000 Бранденбургцевъ въ Венгрію. —

Фридрихъ Вильгельмъ при смерти своей завѣщалъ сыну, споспѣшествовать ближнему родственнику своему, Вильгельму Оранскому, въ завоеваніи Британской короны. — Фридрихъ, взявъ сторону Шпатагальтера, старался облегчить исполненіе его отважныхъ замысловъ. — По его повелѣнію, Маршалъ Шомбергъ, Французскій выходецъ, извѣстный своими военными дарованіями, предложилъ услуги Принцу Оранскому. Скоро участь Спугартовъ рѣшилась. — Новый Король Англійскій предводилъ войсками союзниковъ. — Несчастный на полѣ битвы, гдѣ почти всегда терпѣлъ пораженія, но уважаемый непріятелями послѣ неудачъ своихъ, какъ Лудовикъ

XIV послѣ побѣдъ, обильный въ пособіяхъ, удивленіа достойный въ искусствѣ вознаграждать свои поперя, онъ былъ гидрою баснословія.

Курфирстъ и Вильгельмъ имѣли свиданіе, касательно политическихъ дѣлъ того времени: по сіи два челоѣка были различныхъ свойствъ, и не могли понравиться другъ другу. — Король, вмѣсто кресель, велѣлъ подать Курфирсту стулъ, и сей, глубоко прорупый, въ сію минушу болѣе, нежели когда нибудь, желалъ носить Королевскую корону на головѣ своей. — Возвышеніе Эрнеста, Герцога Ганноверскаго, въ достоинство Курфирста, и Августа Саксонскаго въ Короли Польскіе только раздражило его неперпвливыя желанія.

Дабы достигнуть сей цѣли, Курфирстъ искусно воспользовался обстоятельствомъ. — Всѣ способы, всѣ пружины политики, приведены были въ дѣйствіе. — Желая расположить въ свою пользу Императора, согласіе коего увлекло бы всю Германію, Курфирстъ отдалъ ему Швибусскій округъ, за исключеніемъ Княжества Фризскаго и Баронства Лимбургскаго. — Не получая ни какой пользы отъ войны, и когда бы даже гораздо выгоднѣе было оспаться нейспральнымъ, онъ послалъ войска на помощь Императорскимъ

арміямъ во Фландрію, на Рейнь и въ Венгрію. Уже Министры его при иностранныхъ Дворахъ проникли во всѣ сокровенности сильнѣйшихъ Кабинетовъ Европы; Франція предлагала ему свои услуги; Императоръ, желая все болѣе привлечь его на свою сторону, казалось, уже не столько прошивился его планамъ.

Не смотря на побѣды при Флёрусѣ, Нервиндѣ и Марсалѣ, Лудовикъ XIV желалъ мира. — Предвидя близкую кончину Карла II, Короля Испанскаго, онъ желалъ разрушить великій союзъ, до упраздненія Испанскаго престола, на который онъ готовился обнаружить приязанія. — Охлажденные худымъ успѣхомъ своего оружія, союзники желали также прекращенія военныхъ дѣйствій. — Наконецъ, между Дельфтомъ и Гагою, въ замкѣ Рисвикѣ, заключенъ былъ миръ. — Лудовикъ XIV, какъ будто изъ умѣренности, возвратилъ почти всѣ свои завоеванія: онъ могъ безъ сожалѣнія пожертвовать ими; скоро Франція долженствовала вполне вознаградить сіи потери за Пиренеями. —

Но возвратимся къ Курфирсупу Бранденбургскому, который съ неупоминимымъ поспоянствомъ стремился къ своей цѣли. — Баронъ Пельницъ (1), Каммергеръ его, расска-

(1) См. его же *Записки*.

зываетъ по сему случаю странное происшествіе. — Христофоръ Графъ фонъ Дона, коему Курфирстъ поручилъ слѣдовать въ Вѣнѣ за переговорами, успѣхомъ коихъ онъ такъ дорожилъ, долженъ былъ бороться съ мнѣніями всѣхъ Министровъ Императора; тщетно пытался онъ прельстить 200,000 флориновъ Графа Кинскаго, Великаго Канцлера Богеміи; наконецъ, потерявъ надежду на успѣхъ, онъ испросилъ увольненіе. Между тѣмъ Берлинскій Дворъ, полагая, что онъ еще въ Вѣнѣ, приказывалъ ему въ послѣдній разъ попытаться подкупить другаго Министра, коего имя означено было въ писемѣ цифрами, и предложивъ ему сумму, опъ которою отказался Графъ Кинскій. — Депеши прибыли слишкомъ поздно. — Барпольди, Секретарь Посольства, коему поручено было отправленіе дѣлъ, распечаталъ пакетъ и, потому ли, что онъ не зналъ наслощенныхъ буквъ, или потому, что имя Министра, коего хотѣли подкупить, было дурно написано, счелъ оное за имя духовника Императорскаго и обратился къ нему. — Иезуитъ, образованный симъ знакомъ уваженія, которое оказывалось ему одинъ изъ сильнѣйшихъ Проприетарскихъ Государей Германіи, вывелъ изъ сего хорошія слѣдствія для братаства, и

объщала ходатайство. — Онъ такъ хорошо сдержала свое слово, что полный успѣхъ увѣщала его старанія. Правда, все ему благопріятствовало: Карлъ II, Король Испанскій, приближался къ кончинѣ, и Графъ Гаррахеъ, Посланникъ Леопольда въ Мадридъ, увѣдомляя Дворъ, что Герцогъ Анжуйскій имѣетъ многочисленныхъ приверженцевъ въ Испаніи. Новый Король Англійскій, Курфирстъ Баварскій, Курфирстъ Палаціи и Генеральные Штаты, спрашася новой войны, искали себѣ полезнаго союзника противъ Франціи, и приняли сторону Курфирста. Духовникъ съ своей стороны, чтобы придать болѣе вѣса своимъ поступкамъ, пвердилъ о выгодахъ, кои сіе происшествіе доставитъ Капюлицеской Вѣрѣ въ Бранденбургіи, — сей послѣдній доводъ воспоржествовалъ надъ сопротивленіемъ Императора.

Какъ бы ни было справедливо сіе повѣствованіе, извѣстно все-таки, что Леопольдъ, (1) который еще въ 1695 г. не признавалъ Пруссіи свѣтскимъ Герцогствомъ, призналъ ее Королевствомъ, лишь только Курфирстъ Бранденбургскій общала ему помощь про-

(1) Пфефель: *Новое хронологическое сокращеніе Истории и публичнаго Права Германіи,*

птивъ Франціи (1). Тѣ же надежды увлекли Англію и Голландію; и несогласія между Швеціею съ одной стороны, Польшею, Даніею и Россіею съ другой, доставили Фридриху согласіе опть четырехъ Державъ, для коихъ равно было выгодно имѣть его на своей сторонѣ (2). Что же касается до Германскихъ владѣшелей, они не замедлили послѣдоващъ примѣру Императора и своихъ союзниковъ. Только Франція (3), Испанія, Папа и Гевтоническій Орденъ сопротивлялись сей перемѣнѣ: Франція и Испанія изъ политики, Папа

(1) Императоръ призналъ Фридриха Королемъ, съ тѣмъ, чтобы онъ:

1-е. Доставлялъ 10,000 войска Главѣ Имперіи, во время войны.

2-е. Содержалъ роту гарнизона въ Филиппсбургѣ.

3-е. Всегда соглашался съ Императоромъ во всѣхъ дѣлахъ Имперіи; вѣрно исполнялъ прежнія свои обязанности, относительно Германіи; отказался опть денегъ, кои должна ему была Австрія; подавалъ свой голосъ въ пользу дѣшей мужескаго пола Императора Иосифа, „если не случатся важныя, „необходимыя причины, которыя могли бы заставить избрать Императора изъ другаго Дома.“

(2) Пѣсень: id. id.

(3) Страшная вещь! Франція первая подаде Великому Курфирсту мысль о Королевствѣ, думая такимъ образомъ сдѣлать его независимымъ и съ нимъ сблизиться.

же попому, что одному полько Намѣстнику Петра присвоивалъ право созидать новыл Королевства и, что впрочемъ, по выраженію Каноническаго Права, *Государь-еретикъ скорѣе долженствовалъ лишиться своихъ прежнихъ титулъ, нежели пріобрѣтать новыл.* Орденъ же Тевтоническій попому, что, будучи прежде обладателемъ Пруссіи, теперь онъ имѣлъ случай пропестовать съ пользою прошивъ прежняго оппорженія опъ него сей области. *Императоръ долженъ бы повѣситъ Министровъ, давшихъ ему столь вѣроломный совѣтъ,* вскричалъ Принцъ Евгеній, узнавъ объ утвержденіи новаго Короля: казалось, что сей великій полководецъ проникалъ намѣренія Фридриха II.

Неперпѣливостъ Фридриха, — носиль корону, была споль велика, что во время его помазанія 10 Января 1701 г., онъ самъ надѣлъ на себя оную, какъ будпо бы малѣйшая медленностъ была для него мучительна. Впорая его супруга, Курфирстина Софія Шарлотта, Принцесса ума возвышеннаго и обширныхъ познаній, не раздѣляла сего неперпѣнія. „*Я въ отчаяніи,* сказала она однажды одной изъ своихъ дамъ: *что принуждена пхать въ Пруссію играть роль Королевы.*“

Не думайте, писала новая Королева Лейбниццу: чтобы я предпочитала сію корону и сіе величіе, коимъ здѣсь придаютъ такую цѣну, пріятностямъ нашихъ философскихъ бестѣвъ въ Шарлотенбургѣ.

Софія Шарлотта путешествовала по Италіи; она явилась въ Версали въ сопровожденіи своихъ родителей. Красота ея сдѣлала даже впечатлѣніе на Лудовика XIV, который, почтивъ ее достойною занявъ со временемъ престолъ Французскій, назначилъ ее Герцогу Бургундскому; но вмѣшалась политика, и бракъ разстроился. Сія Государыня ввела при Дворѣ Прусскомъ, шу рыцарскую вѣжливосць, коей образцы она заняла въ Версали и разлила вокругъ себя любовь къ Поэзіи, Наукамъ и Искусствамъ. Окруженная учеными, напишанная глубокими умствованіями, Софія Шарлотта до того любила восходить до первоначальныхъ причинъ, что Лейбницъ принужденъ былъ ей сказать однажды о семъ предметѣ: „*Но, Государыня, я не въ состояніи удовольствовать ваше любознаніе; вы хотите узнать причину причинъ.*“ Четыре года спустя, она скончалась въ Ганноверѣ, въ кругу своего семейства. Предъ смертью Королева, обращаясь къ одной изъ близстоящихъ дамъ, которая обливалась слезами, сказала: „*Не со-*

жалѣйте обо мнѣ, ибо теперь любопытство мое удовлетворится, и я узнаю происхождение вещей, коихъ не могъ разгадать Лейбницъ, о пространствѣ, о безконечномъ, о существѣ и ничтожествѣ. Королю я готовлю удовольствіе видѣть церемонію и новый слугай выказать свою пышность.

Последнія слова ея поручали Курфирсту, ея брапу, Ученыхъ, коихъ она покровительствовала, и Художества, кои усаждали ея жизнь. Похоронная церемонія утѣшила Фридриха въ потерю супруги — достойной живѣйшаго сожалѣнія. Таковая женщина должна была жалѣть о Королѣ, который во время своего коронованія не поскупился дать 3,000 червонныхъ за каждую пуговицу своего плащя,

Еще долго спустя государственная касса ощущала слѣдствія сего торжества. Дабы увѣковѣчить память онаго, онъ учредилъ Орденъ *Чернаго Орла*. Въездъ его въ Берлинъ былъ великолѣпный; но въ народѣ ходило сильное предубѣжденіе противъ новой властн; спрашивали: возвышенная степень достоинства усугубитъ ли могущество?

Впрочемъ то, что сначала было только дѣломъ тщеславія, въ послѣдствіе времени содѣлалось лучшимъ твореніемъ Полиптики.

Съ того дня, когда Фридрихъ провозглашенъ былъ Королемъ, онъ сбросилъ съ себя иго Австрiи; съ Королевствомъ началась и новая эра для Пруссiи. Но честолюбіе сего Государя не ограничилось пріобрѣтеніемъ пшпула; при разныхъ случаяхъ онъ расширилъ свои владѣнія. По смерти Вильгельма III, онъ, какъ наследникъ Нассау - Оранскаго Дома, получилъ Графство Лингенъ, Княжество Мёрсъ и нѣкоторыя другія владѣнія, заключавшіяся въ различныхъ Государствахъ.

Въ продолженіе войны 1707 г., Король купилъ Графство Мекленбургское въ Вестфалии, Превошество Кведлинбургское и уѣздъ (baillage) Петербургскій; по смерти Герцогини Немурской, области Невшательская и Валанженская предпочли его, какъ наследника Оранскаго Дома, его соперникамъ изъ дома Лонгевильскаго. Одинъ изъ Принцевъ Оранскихъ взялъ въ супружество наследницу Дома Шалонскаго, коему некогда принадлежали Невшатель и Валанженъ: вопль права, на кою опирался Король Прусскій.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Утрехтскій миръ утвердилъ за Фридрихомъ сіе пріобрѣтеніе, подтвержденное Кабинетомъ Версальскимъ, который, равно какъ и всь, призналъ его Королемъ въ переговорахъ Гершрудси-

бергскихъ, но съ условіемъ, — уступить Франціи Княжесство Оранское.

Подобно всѣмъ мелкимъ Государствамъ, окруженнымъ большими Державами, Пруссія въ его царствованіе подвергалась величайшимъ опасностямъ. Фридрихъ всегда счастливо ускользалъ при самыхъ запутанныхъ обстоятельствахъ. Въ губительной Сѣверной войнѣ, Курфирстъ долженъ былъ опасаться съ одной стороны грознаго Карла XII, съ другой — Польши, Даніи и Петра Великаго; но онъ искусно миновалъ опасности; даже спокойствіе не было нарушено въ его владѣніяхъ. Въ Маріенвердерѣ онъ имѣлъ свиданіе съ Царемъ.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, Берлинъ былъ свидѣтелемъ необыкновеннаго Посольства, въ коемъ Царь находился въ свитѣ своего предшавителя, Лефорпа. Онъ посѣтилъ такимъ образомъ Голландію и Англію, приготавлиаясь къ Саардамскому ученію. Петръ Великій помощію своего генія успишь, что Онъ былъ еще на низшей степенн просвѣщенія.

Фридрихъ не пропустилъ благопріятнаго случая показать свою ненависть къ Франціи; онъ осмѣлился даже объявить ей войну, за то, что войска Буфлера произвели нѣкоморыя насильства въ области Клевской;

но Лудовикъ не замѣпилъ, что имѣлъ еще одного непріятели. Это было въ то время, когда Европа, съ оружіемъ въ рукахъ, возставала противъ сего Монарха, возводящаго внука своего на престолъ Испанскій; — до-стопримѣчательная брань, въ коей преспар-вльмй Король — единственнй памятникъ великаго вѣка, доказалъ міру, что если онъ былъ когда нибудь гордъ въ счастьи, то онъ былъ не менѣе пвердъ въ бѣдствіяхъ, и что можно поколебать, но не унижить престолъ его.

Между тѣмъ какъ сіи кровавыя попра-сенія раздирали Европу, наследникъ Леополь-да, Іосифъ I, скончался. На его мѣсто былъ избранъ Эрцгерцогъ Карлъ, который, коро-новавшись въ Мадридѣ Королемъ Испанскимъ, но изгнанный изъ своей столицы послѣ бип-вы Алманцской, былъ осаждаемъ въ Барсел-лонѣ. Смерть Іосифа и вскорѣ послѣ того немилость Марльборуга споспѣшествовали миру. Одинъ Императоръ упорствовалъ. На-конецъ Упрехтскій миръ прекратилъ сію двѣнадцатилѣтнюю брань, родившуюся съ началомъ столѣтія.

Фридрихъ не увидѣлъ конца оной.

Первому Королю своему Пруссія одол-жена полезными учрежденіями. Въ 1694 г., онъ, уснувалъ просьбамъ Королевы Шарлот-

ты, основалъ знаменитый Университетъ въ Галлѣ, и немного спусти Королевское Общество Наукъ, коего Президентомъ былъ Лейбницъ. Желая окружить престолъ свой блескомъ Изящныхъ Художествъ, онъ въ 1695 г., основалъ въ столицѣ своей Академію Живописи. Немного спусти, онъ, для образованія вкуса будущихъ Академиковъ изученіемъ образцовъ, выписалъ изъ Испаніи слѣпки лучшихъ статуя. Онъ украсилъ Берлинъ многими замѣчательными зданіями; по его повелѣнію конная статуя Великаго Курфирста поставлена была на Королевскомъ мосту. Въ царствованіе его — Лейбницъ, Вольфъ, Оптонъ Герике, Томазіусъ обратили на себя взоры образованнаго свѣта. Не смотря на ученые труды Тейсіера, Лейпцигера, Пуфендорфа, — Бранденбургія не могла похвалиться Историками, за то въ Концѣ она имѣла Поэта — Канццца,

Первая похвала, должная Фридриху, та, что онъ постоянно умѣлъ предохранять Государство свое отъ разоренія, коему подвергались пограничныя Державы.

Хотя добрый родъ природы, сей Государь иногда жестоко наказывалъ, особенно если виновный оскорблялъ его самолюбіе. Одинъ алхимикъ, назвавшійся Графомъ Кайсано, обманулъ его, и послѣ весьма рачи-

пелнаго изслѣдованія быль повѣщенъ въ плашь изъ золотой бумаги, на висѣлицѣ, обитой также золотою бумагою. Непоспоянный, подозрительный, вспыльчивый, онъ съ шрудомъ допускаръ кого либо къ себѣ. Ревностный Кальвинистъ, онъ ненавидѣль Каполиковъ, но не угнепалъ ихъ. Фридрихъ сочинилъ даже молитвенникъ, который, однако, (1) не быль напечатанъ.

Когда неограниченный Монархъ не вознаграждаетъ усиліями генія или патриотизма неудобствъ своего положенія, по даже при желаніи добра, онъ, кажется, покровительствуетъ пороку. Упоенный леспію, сокрытый отъ народа своего жадною полною царедворцевъ, онъ не слышитъ кликовъ общеспвеннаго бѣдспвія; Дворъ въ изобиліи, чего же недоспаетъ къ народному счастію? Такииъ-иво образемъ, когда чума опустошала Пруссію, 200,000 человекъ содѣлались жертвою сего ужаснаго бича и голода. Небольшая помощь могла бы спасти множество людей, но сокровищница открывалась только для удовольворенія приходящихъ властелина; самъ Наслѣдный Принцъ не могъ уговорить Министровъ — купить на 10,000 ефимковъ хлѣба.

(1) Фридрихъ II: *Mémoires pour servir à l'Histoire de la maison de Brandenbourg.*

Почти за годъ до своей смерти, Фридрихъ видѣлъ рожденіе сего внука, который долженствовалъ такъ далеко пронести славу своего Дома. Въ своей щесливой радости, онъ избралъ ему крестными опцами Императора Карла VI, Царя Петра I, Голландскую Республику и Кантонъ Бернъ.

Сей-то самый внукъ сказалъ о дѣдѣ своемъ, что онъ былъ великъ на малыя дѣла, и малъ на великія. Приговоръ строгій. Но когда Фридрихъ II упоминаетъ о дѣдѣ своемъ, всегда какая-то досада прорывается въ словахъ его. Въ самомъ дѣлѣ, онъ долженъ былъ негодовать на Короля, который далъ помѣстье въ 40,000 сфимковъ охотнику, застрѣлившему оленя съ высокими рогами.

„Онъ любилъ пышность и былъ щедръ,“ говоритъ Фридрихъ II: „но какою цѣною не покупалъ онъ удовольствія — удовлетворялъ „спрасьямъ своимъ! Онъ торговалъ кровью „своихъ подданныхъ съ Англичанами и Голландцами, подобно кочующимъ Тапарамъ, „продающимъ на убой спада свои мясникамъ „Подольскимъ. Пріѣхавъ въ Голландію, „онъ хопѣлъ вызвать войска свои изъ „Фландріи; ему поднесли огромный алмазь, „здѣсь наследственный, и 15,000 Пруссаковъ „пали подъ знаменами союзниковъ.

„Народные предрасудки, кажется, благоприятствуютъ великолѣпію Государей; но есть различіе между щедростію частнаго человека и Государя. — Государь есть первый слуга и первый правитель Государства; онъ долженъ отдавать ему отчетъ въ употребленіи налоговъ; онъ собираетъ оныя на содержаніе войска, чтобы онымъ защищать Государство, въ случаѣ нападенія, чтобы поддерживать свое достоинство, награждать заслуги, уснаовлять, нѣкопорымъ образомъ, равновѣсіе между богатыми и бѣдными, помогать несчастнымъ, дабы придавать должное величіе всѣмъ государственнымъ обрядамъ. — Если Государь образованъ и прямоушенъ, то онъ всѣ сіи издержки направитъ къ пользѣ своихъ подданныхъ.“

Кончина Фридриха была столь же несчастна, какъ и необыкновенна. Лишившись первой супруги своей, Елисаветы Гессенъ-Кассельской, онъ снова вступилъ въ супружество съ Софіею-Шарлоттою Ганноверскою, коей качества намъ уже извѣстны. Овдовѣвъ, онъ снова соединился бракомъ съ Принцессою Луизою Мекленбургскою. Но чрезмѣрная, мрачная набожность мало помалу повредила умственные способности Королевы, такъ что наконецъ она дѣйствительно имѣла припадки сумасшествія. — Долго скрывали сіе отъ Ко-

роля, и Фридрихъ не зналъ всей силы болѣзни. — Однажды, когда онъ спалъ въ своихъ креслахъ, Королева, обманувъ свою стражу, вбѣгаетъ въ покои Короля, и разбивъ стеклянную дверь его комнаты, съ крикомъ бросается на него. — При видѣ женщины, съ распущенными волосами, полуоткрытой бѣлою одеждою и съ окровавленными руками, Фридрихъ, внезапно пробужденный, впадаетъ въ жестокую горячку. — „Я видѣлъ бѣлую женщину, я умру,“ вопіетъ онъ, напоминая сими словами древнее преданіе, будто привидѣніе въ бѣлой одеждѣ являлось во дворцахъ Бранденбургскихъ Государей передъ смертію котораго нибудь изъ членовъ ихъ Дома. Рассказывали, что Іоакимъ I, желая расширить Берлинскій замокъ, заставилъ одну старуху продать ему домъ противъ ея воли, и что старуха сія, озлобившись, угрожала ему и его потомкамъ бытьъ предвѣстницею ихъ смерти.

Фридрихъ не обманулся: послѣ шестинедѣльнаго недуга, онъ сошелъ съ одра болѣзни, для успокоенія въ гробницѣ предковъ. — Сей Государь скончался 25 Февраля 1713 г., на 56 г. своей жизни.

IV.

К Р И Т И К А.

Наложница, сочиненіе Е. Баратынскаго. М. въ тип.
А. Семена. въ 12, XXVII и 93 стр. (*).

1.

Повѣсть сія, вмѣсто предисловія, начинается длинною выходкою (въ прозѣ) противъ Журналистовъ, называющихъ нѣкоторыя сочиненія безнравственными. Вся эта выходка — парадоксъ, защищаемый съ рѣдкою запальчивостію. Поэтъ утверждаетъ, что всякій предметъ можешь быть предметомъ нравственнымъ, лишь бы онъ былъ описанъ вполнѣ. Не споримъ: человекъ мыслящій изъ всего можешь извлечь полезную идею, даже изъ самаго безнравственнаго предмета, какъ пчела извлекаетъ медъ изъ горькой травы; это всѣмъ извѣстно. Какъ въ физическомъ мірѣ нѣтъ ничего безполезнаго, лишняго, до ядовитой змѣи, которая въ цѣпи существъ составляетъ столь же необходимое звено, какъ и животное или растение полезнѣйшее, — такъ и въ мірѣ нравственномъ, и во всякомъ мірѣ. Но зачѣмъ упоминать насъ изображеніемъ порока, облакашь его въ краски Поэзіи и шѣмъ соблазняешь слабыхъ? Умы и характеры сильные не нуждаются въ сихъ нравственныхъ рецептахъ. — Придерживаясь паклики этого предисловія, можемъ доказать нравственность и безнравственность какого угодно сочиненія.

(*). Намъ доставлены два статьи о сей Повѣсти: помещаемъ объ. Изд.

Утверждая, что всякій предметъ можетъ быть нравственнѣе, Поэтъ забылъ, что часто шотъ же самый предметъ можетъ быть *неблагоприсойннѣе*. Не говоримъ этого о *Наложницѣ* рѣшительно, ибо въ ней неблагоприсойннѣе всего заглавіе. Удивляемся, отъ чего бы не назвали этой Повѣсти иначе: тогда бы она вѣрно имѣла гораздо большій кругъ читателей, а теперь *многія* не рѣшались взять ее въ руки, изъ опасенія найти въ ней явно-ужасныя вещи, копорыхъ впрочемъ намъ нѣтъ. Спрашная прихошь Поэта! — Вопросъ: какъ спросишь миѣ у дѣвушки, даже взрослой, копорой даюшь всѣ книги, у дамы, — даже у мужчины въ присутствіи дамы, читали ли они *Наложницу*, не заспавивъ всѣхъ ихъ покраснѣть до ушей? Вы скажете: не спрашивайте у дѣвушекъ о *Наложницѣ*, не говорите о ней въ обществѣ. Но, господа! что это за книга, копорая бродишь по землѣ какъ привидѣніе, о копорой всѣ знаюшь, и никто не смѣетъ говорить?

Елецкій, молодой человекъ съ самыми дурными наклонностями, вовсе безъ характера и нравственности, какъ это увидяшь читатели — герой Романа. Распочивъ все свое имѣніе въ беспорядочной жизни, и не оставивъ отъ ея привычекъ, онъ поселился въ Москвѣ. Онъ уже въ шѣхъ лѣтахъ, когда разсудокъ и нѣкоторая опытность, извѣдавъ всю ничтожность и пустоту нечистыхъ удовольствій, берутъ верхъ надъ порочными влеченіями; когда человекъ, какъ бы ни былъ онъ развращенъ, съ ужасомъ оглядывается на прошлую жизнь свою, если въ глубинѣ души его есть

хотя съмь добраго начала. Вы думаете, что Елецкій *внутренно* раскаивается, (не требуемъ отъ него монологовъ), жалѣешь объ упраченномъ невозвратно; вооружается всею силою воли и характера, и побѣждаетъ порочныя влеченія, или падаешь подъ ударами спрасшей и рока, но падаешь послѣ отчаянной борьбы съ судьбою, какъ крѣпкій дубъ, сломленный бурей? Ни чуть не бывало: Елецкій спалъ немного помирнѣе, кажешся, болѣе отъ шого, что ему не на что, какъ говоришься, купишь; хладнокровно и безъ горя, какъ философъ, живешь онъ въ Москвѣ съ Цыганкою Сарою, которая вознаграждаетъ его за потерянное общештво, и даже повторяетъ иногда прежія вакханаліи, (одна изъ нихъ описана въ началѣ Романа съ опшратительнымъ правдоподобіемъ). Однажды, подъ Новинскимъ, встрѣчаешь онъ хорошенькое личико, узнаешь, что это племянница его сосѣда, Вѣра Волховская, и начинаешь за нею волочиться, какъ старинный повѣса. Поэтъ хотѣлъ сдѣлать его влюбленнымъ въ Вѣру, но далеко не достигъ своей цѣли: мы видимъ въ эпоѣ спрасши одно влеченіе слашлюбца, ищущаго беспрешаннаго разнообразія въ наслажденіяхъ; это спрасшь порочная — и можешь ли свяшее чувство истинной любви обяпашь въ *такой* душѣ? — Посредшвомъ хипросши, довольно неправдоподобной, онъ входитъ въ домъ Волховскаго, и знакомишься съ Вѣрою, кошорая, разумѣется, къ нему неравнодушна. Тутъ раскрывается характеръ или, лучше сказать, безхарактерность Вѣры: черезъ два, при свиданія, она рѣшается бѣжать съ Елецкимъ, человекомъ, осла-

вленнымъ въ свѣтѣ съ самой дурной стороны, у котораго въ домѣ сама она видѣла Цыганку, рѣшается оставить спарика - дядю, заснувшаго ей мѣсто опца. Какъ! а честь, а женскій стыдъ? а совѣсть? а приговоръ людей достойныхъ? Все забыто! и для кого - же? для опъявленнаго развращенника, для человѣка, который, вѣроянно, самъ чувствуетъ всю низость своего поведенія, укрываясь отъ справедливо - упрекающихъ взоровъ спарика - дяди, какъ ночной папъ! Еще бы снисходительнѣе были мы къ ней, какъ къ человѣку, если бѣ слѣпая, пламенная, всеувлекающая спрасъ пожирала ее. Этого мы не видимъ: Вѣра только равнодушна къ Елецкому, не больше! Какъ бы то ни было, въ ночь, назначенную для бѣгства, Елецкій возвращается домой и объявляетъ Сарѣ о своемъ намѣреніи жениться; та давно уже предчувствовала это, замѣчая его къ ней холодность, и принасла пишье, составленное спарою Цыганкою. Пишье это должно возвратитъ ей привязанность Елецкаго. Онъ выпиваетъ роковой стаканъ, и умираетъ: не знаемъ, былъ ли то ядъ, или, быть можетъ, спарая Цыганка, непосвященная въ таинства Фармацевтики, ошиблась при составленіи микстуры, какъ неопытный гезель. Цыганка Сара сходитъ съ ума.

Вошъ, въ корошкихъ словахъ, содержаніе Наложницы. Мы выше привели мнѣніе Поэта, что всякій предметъ можеть быть предметомъ нравственнымъ, если только онъ вполне изображенъ. Спрашивается: развѣ описаніе какого нибудь озерца даетъ понятіе о неизмѣримомъ Океанѣ? Могутъ ли существа слабыя, ничтожныя, безъ

внутренней силы, без способности, принимать все благороднѣйшія ощущенія чловѣка, какихъ выводимъ намъ Поэтъ, развишь во всей обширности предположенную идею, бышь на сей разъ, пакъ скажашь, представителями чловѣчества? Можно ли на неполномъ, разспроенномъ инструментахъ, выразишь божественные звуки Перголезе или Гайдена? — Въ слѣдствіе этого Наложница далеко не входитъ въ волшебный кругъ, очерченный самимъ Поэтомъ. — Спранно пакже предположеніе Автора, будто одной истины довольно для всякаго художественнаго произведенія. Намъ кажется напротивъ, что одной голой истины недостаточно рѣшительно; что всякій предметъ, входя въ область Поэзіи, непременно долженъ покориться законамъ Искусства; а иначе каждое уголовное дѣло, переложенное въ разговоръ, будетъ Трагедіею, опрывокъ изъ жизни какого нибудь повѣсы, Эпосею, и ш. д.

Впечатленіе, производимое всякимъ художественнымъ произведеніемъ на наши чувства, часто бываетъ вѣрнѣйшимъ указателемъ его внутренняго достоинства. Прочитавъ Наложницу, щещно ищешь въ душѣ чего нибудь утѣшительнаго: чувства безмолвствуютъ, упомянутыя видомъ тяжелыхъ, печальныхъ образовъ. Не таково бываетъ впечатленіе послѣ Глуга или при выходѣ изъ Трагедіи безсмертнаго Шиллера.

Не только не ошнима я истиннаго поэтическаго таланта у Г. Барашынскаго, но, напротивъ, бышь всегдашними его почитателями, мы рѣшились высказашь ему истину, и окъ, какъ Писатель съ достоинствомъ, вѣроятно не оскорбится наши-

ни замѣчаніями. Намъ кажется, что дарованіе его могло бы принять другое, лучшее направленіе. И въ Наложницѣ есть мѣста, имѣющія рѣшительное достоинство, которыя не разъ перечитаешь съ наслажденіемъ: онѣ вполне обличаютъ талантъ Поэта. Таковы первый разговоръ Елецкаго съ Сарой, описаніе Москвы упромъ и Новинскаго, встрѣча его въ маскарадѣ съ Вѣрой, явленіе старой Цыганки, и въ особенности прекрасное, художественное описаніе сумасшествія Сары. Но, къ несчастію, эти отдѣльныя красоты не искупаютъ недостатковъ всего Романа, строго разсматриваемаго въ цѣломъ. — Мы не говоримъ о превосходномъ языкѣ: онъ всѣмъ извѣстенъ. Изъ всѣхъ новѣйшихъ Поэтовъ нашихъ, Баратынскій одинъ, если не ошибаемся, сохранилъ юношескую упругость своего стиха, если можно такъ выразиться; жаль, что иногда онъ попадаетъ въ другую крайность: сбивается въ прозаизмъ. Стихи ббльшей части другихъ Поэтовъ звучатъ стихами Пушкина, но слабо, какъ звонъ ненапрянутой струны, какъ опдаленное эхо. Эта ихъ плавность, поддѣльная и прищорная, ужасно надоѣла въ последнее время. Изъ числа сихъ послѣднихъ исключить можно развѣ одного Шевырева, коего иногда жесткій, но всегда сильный, мужественный, исполненный мысли стихъ, имѣетъ свой особенный характеръ.

Наложница напечатана очень красиво и исправно. Замѣчательно, что это, если не ошибаемся, у насъ первая книга, которую подписъ Автора спережетъ ошъ перелечашанія (*contrefaçon*). Юр.

Если всякое новое сочиненіе Автора, славнаго и еще юнаго, возбуждаетъ наше любопытство уже по той причинѣ, что надѣмся увидѣть большее развитіе прекраснаго дарованія, то разбираемая нынѣ Повѣсть Г. Баратынскаго спранныю новостію названія и превосходными опрывками, помѣщенными въ двухъ Альманахахъ на нынѣшній годъ, подспрекнула наше любопытство до того, что оно сдѣлалось *нетерпѣливостію*. Муза нашего Поэта въ одно время и жрица Венеры Pandemos и неумолимая Немезида; но ея сладострастіе не совсѣмъ искупается этою нравственною цѣлію произведеній ея, п. е. строгимъ наказаніемъ порока. Этой выразительной черпы древней Трагедіи не доспащно для новѣйшей, Христіанской Поэзіи, возвысившейся до Истины и Религіи, съ которыми она составляетъ *одно священное* и слѣдственно хочеть себѣ шакого же чистаго жертвоприношенія. Если Поэтъ удовлетворяеть Истину и Религію вѣрнымъ и полнымъ изображеніемъ порока и наказаніемъ онаго, то онъ обязанъ, въ угожденіе Поэзіи, чѣмъ-то возвышеннымъ и прекраснымъ окружать плачевную смерть грѣшника, и эшимъ обращать нашу душу къ идеальному міру, дабы мы опказались опъ порока — не столько со страха заслуженной и неминуемой казни, сколько изъ любви къ добродѣтели! Вотъ чего Поэтъ не досказалъ въ предисловіи къ своей Повѣсти, вотъ чего не доспаетъ *Эдъ, Балу и Наложницу!* Если *Эда* плѣняетъ насъ милою простотою, испинною чувствъ, то мы не видимъ раскаянія губителя ея, его лвердаго возврата къ

добродѣтели — и потому это изображеніе не полно и не удовлетворительно! Въ *Балъ* предспавлена грѣшная жизнь и преступная смерть героини; чашпель равно запуганъ и пою, и другою; піеса кончается, и онъ оспаеша съ болѣзненнымъ чувствомъ челоѣческаго уничтоженія! — Расскажемъ содержаніе *Наложницы*: молодой челоѣкъ съ пылкимъ нравомъ, Елецкій, рано лишенный родителей, опмѣнно распутный, прервалъ всякую связь съ обществомъ, и взялъ къ себѣ Цыганку Сару. Чувствовалъ, что она не можешъ удовлетворять потребностямъ его души, онъ спалъ искашь чего-то лучшаго, и влюбился въ Вѣру Волховскую, умную и прекрасную дѣвушку; исторгнулъ у нея согласіе на шайный съ нимъ бракъ; но Сара, сильно къ нему привязанная, въ минушу разспаванія съ нею, неумышленно отправляешъ его заколдованнымъ пишьемъ, желалъ эшимъ возвратишь себѣ любовь его. Цыганка убѣжала въ свой шаборъ и лишилась ума. — Сія Повѣсть, — новое блестящее доказательство дарованія Автора, — предспавляетъ новый моментъ его развитія. Большой объемъ, богатство и живость описаній, занимательность положеній и вообще счастливая смѣлость вполнѣ познавшаго себя генія — спавяешъ *Наложницу* выше прочихъ произведеній Барамынскаго; но языкъ, хопя мѣстами превосходный, въ цѣломъ не имѣешъ той классической окончанности, той удивительной вѣрности выраженій, которыми доселѣ отличалась Муза нашего Поэта. Есть и темныя мѣста, трудныя обороты и непріяшныя вспавки. Характеръ Елецкаго изображенъ нѣскольکو слабо: мы въ немъ не видимъ твердаго намѣре-

нiя отказаться отъ распущной жизни (не взирая на то, что онъ думаетъ жениться), не видимъ истинной любви къ Вѣрѣ Волховской — ибо онъ все продолжаетъ жить съ Цыганкою, хотя и спалъ къ ней равнодушно. Онъ, по видимому, плѣнился только наружностію хорошенькой, невинной дѣвушки и, алкая чувственнаго ею обладанія, не могъ избрать другаго средства, кромѣ законнаго съ нею брака. Еще менѣе оправдана ея довѣрчивая любовь къ человѣку, котораго прослылъ ужасомъ всей Москвы, и у коего она сама видѣла наложницу; она отвѣчаетъ Елецкому, открывшемуся ей въ любви:

Когда глаза мои у васъ
 Меня въ обманъ не приводили,
 Словами вашими сей часъ
 Двухъ, не одну вы оскорбили!

Какъ она не устыдилась стать на ряду съ наложницею — Цыганкою? Чѣмъ Елецкій показалъ себя достойнымъ ея любви и той жертвы приличію, которую она рѣшилась ему принести? Онъ погибаетъ, ничѣмъ не заслуживъ лучшей участи и состраданія чинашеля. Хотя Авторъ и говоритъ о немъ:

Елецкій бившу проигралъ,
 Но, поблженный, спасъ онъ знамя
 И предъ самимъ собой не палъ!

Но этого совсѣмъ не видно изъ его поступковъ! Самая смерть его представлена болѣе какъ случайное дѣло, нежели какъ роковое и неизбежное наказаніе за беззаконіе; надлежало бы дать болѣе вѣсу и важности этой казаспрофѣ. Изъ всего этого явствуетъ, что нашъ Поэтъ и въ *Наложницѣ* своей остался въ долгу передъ высшею

Поэзію, сестрою Истины и Религіи. Но *Наложница* еще имѣетъ прекрасное преимущество передъ *Эдою* и *Баломъ*: прогательный отзывъ о Вѣрѣ Волховской, послѣ смерти Елецкаго! Ея положеніе внушаетъ возвышенное, поэтическое уныніе, и доказываетъ приближеніе къ тому, чего мы требуемъ въ Повѣскахъ *такого* рода. Если бы Поэтъ кончилъ эцимъ, какъ много выиграла бы его Повѣсть . . . и намъ не нужно было бы сумасшествіе Сары — ибо преступленіе ея было невольное! Она одна имѣетъ фizioномію опредѣленную и выразительную: ея языкъ и поступки свойственны Цыганкѣ. Какъ хорошо, напримѣръ, слѣдующее мѣсто (Елецкому спало дурно отъ пища):

„Я знаю, что въ шебѣ шворится :

Въ душѣ мянущейся швоей

Я чуднымъ чудомъ оживаю:

Разлучницы проклятой въ мей

Бѣсовскій образъ погашаю.

Блѣднѣешь ты . . . не мудрена

Измѣна мнѣ, а ей спрашна.

Будь ей пещерь моя судьбина!

Томись она, крушись она!

Съ шоски изсохни, какъ лучина!

Умри она! ты мой: приди,

Пряжмись опять къ моему груди!

Очнись отъ люшаго угара,

Приди, и все забуду я;

Узнай меня, узнай: я Сара!

Сара прежняя швоя!“

Намъ въ особенності еще нравишся разговоръ Елецкаго съ *Вѣрою* въ маскарадѣ.

Сказавъ чистосердечно наше мнѣніе о *Наложницѣ*, замѣшимъ еще, что самое названіе не

было необходимостію для этой Поэмы она многимъ была бы пріятнѣе и доступнѣе подъ именемъ *Сары*.

Р — нь.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Овозрѣніе новѣйшихъ происшествій.

А н г л і я.

Къ 14-му Мая, число вновь избранныхъ Членовъ Парламента проспиралось до 513; большинство голосовъ въ пользу преобразованія полагалось до 113. — Говорятъ, что новому Парламенту предложено будетъ даровать Англійскимъ Колоніямъ право посылать своихъ представителей въ Парламентъ; число ихъ предполагается до 32, а именно: Бенгалія (50 милл. жителей) 4; Президентства Бомбейское, Мадрасское, Верхняя и Нижняя Канада, Южная Африка, оспрова Маврикія, Цейлонъ, Ямайка, Мальта, Іонійскіе, по два; Новый Южный Валлисъ, Фанъ-Дименова земля, Барбадось, Св. Троица, Нью-фундлендъ, Новый Брауншвейгъ, Жерзей и Геризей, Менъ, по одному.

Въ Курьеръ опровергаются слухи о томъ, что Министры намѣрены предложить Парламенту новый билль о преобразованіи: они не опускаютъ ошъ двухъ важныхъ основаній, уничтоженія системы гнилыхъ мѣслечекъ и распространенія права избранія.

Сиръ Ф. Дембъ назначенъ Посломъ въ Вану, на мѣсто Лорда Колея.

Прокламацію Вице - Короля Ирландіи отъ 10-го Мая, Графства Кларское, Гальвейское, Роскоммонское и Типперарское объявлены находящимися въ возмущеніи.

Въ Глазговѣ открыта подписка для сооруженія спашуи въ честь Короля.

Пожары, столь часто случавшіеся въ продолженіе прошедшей осени и зимы, и съ того времени почти совершенно прекратившіеся, нынѣ опять возобновляются во многихъ Графствахъ, особенно въ Вильмшейрѣ и Норфолькѣ.

Во исполненіе акта послѣдняго Парламента, во всей Англіи начнется 30-го Мая народная перепечь.

Съ прибывшимъ въ Фальмутъ кораблемъ Chanticleer получено, 11-го Мая, въ Лойдовомъ кофейномъ домѣ извѣстіе, что острова Файль и Св. Михаила взяты отпращенною съ Терсеры экспедиціею. Занятіе Файля полагаются достовернымъ, но объ островѣ Св. Михаила еще сомнѣваются. Говорятъ, что Португальскіе патріоты имѣютъ восемь вооруженныхъ судовъ для перевоза войскъ.

Уполномоченные пяти великихъ Державъ по дѣламъ Бельгіи въ Лондонѣ имѣли, 17-го Апрѣля, конференцію, въ которой Князь Талейранъ объявилъ, что Франція приступаетъ къ протоколу 20-го Января 1831, и одобряетъ назначенныя въ ономъ для Бельгіи границы; принимаетъ нейтральность и неприкосновенность Бельгійскихъ владѣній; признаетъ Государя Бельгіи только тогда, когда онъ совершенно приметъ всѣ условія осмов-

наго протокола 20-го Января; и что на основаніи сихъ началъ, Правительство Французское почитаетъ В. Г. Луксенбургское совершенно отдѣльнымъ отъ Бельгій, долженствующимъ оставаться подъ прежнимъ владычествомъ и въ прежнихъ отношеніяхъ, назначенныхъ трактатами 1815 года. Къ сему объявленію Французскій Уполномоченный присовокупилъ нѣсколько замѣчаній о мѣнѣ земель, которая должна быть произведена стараніями пяти Державъ между Голландією и Бельгією, для доставленія имъ обоюдной выгоды совершенной смежности владѣній; о Правленіи В. Г. Луксенбургскаго и о мѣрахъ касательно онаго, особливо о положеніи Герцогства Бульонскаго, и наконецъ о подробностяхъ исполненія протокола 20-го Января. Онъ заключилъ изъявленіемъ живѣйшаго и непреложнаго желанія своего Правительства сохранити согласіе съ Союзниками и содѣйствовать имъ въ сохраненіи всеобщаго мира и трактатовъ, составляющихъ основу онаго. — За симъ Уполномоченные пяти Державъ согласились въ слѣдующемъ: 1) Сужденіе о мѣнѣ земель въ настоящее мгновеніе еще преждевременно, и можетъ быть съ пользою начато тогда только, когда обѣ стороны согласятся въ распоряженіяхъ касательно отдѣленія Бельгій, и когда занятія Коммисаровъ по разграниченію совершенно приведутъ въ ясность дѣло о мѣнѣ, которое пять Державъ должны будутъ облегчить. 2) Поелику уваженіе къ трактатамъ составляетъ основное начало Полишики пяти Державъ, то само собою разумѣется, что распоряженія оныхъ касательно В. Г. Луксенбургскаго должны быть приведены въ исполненіе. 3) На основаніи сего самаго начала, Уполномоченные разсмотрѣтъ существующіе трактаты, поелику оныя касаются Герцогства Бульонскаго, дабы увѣрился, что особеннаго представляеть положеніе онаго, и дабы принять сіе положеніе въ надлежащее соображеніе при мѣрахъ, кои окажутся нужными въ В. Г. Луксенбургскомъ.

Ф р а н ц и я.

Король отправился, 18 Мая, въ пушешествіе по Департаментамъ Нормандіи, въ сопровожденіи двухъ старшихъ сыновей своихъ, Маршаловъ Сульпа и Жерара, и Графа д'Аргу. Е. В. уже прибылъ въ Руань.

Королевскими повелѣніями 15-го числа постановлена раздача 15-го Мая, самимъ Королемъ, всѣмъ Мерамъ Парижа, образцовыхъ крестовъ и медалей Юля; въ послѣдствіи Министръ Внутреннихъ дѣлъ доставитъ имъ помняшые знаки ошличія для раздачи гражданамъ; число ихъ, о коихъ на первый случай представленіе утверждено уже Королемъ, простирается до 169. Медаль Юля изображаетъ пѣлуха, окруженнаго дубовымъ вѣнкомъ, съ надписью: Своимъ защитникамъ благодарное отечество; съ другой стороны: 27, 28 и 29 Юля 1850; а внизу: Дана Королемъ.

Морской Министръ приказалъ прекратить наборъ для флота и распустить лишнее число людей сверхъ ста человекъ, которыхъ оставитъ въ запасъ. Корабли будутъ снаряжены въ половину на военную, и въ половину на мирную погу.

Гизъ Флаго назначенъ Посланникомъ въ Берлинъ, на мѣсто Адмирала Вергюля, которому дано будетъ другое важное порученіе.

Старшій по мѣстамъ Членъ Палаты Депутатовъ, Г-изъ Лаббе де Помпьеръ, скончался 14-го Мая.

Н и д е р л а н д ы.

Постановленіемъ Регенша, Бельгійскій Конгрессъ созванъ къ 18-му Мая. Онъ собрался сего числа, и избралъ Президентомъ Г-на Герлаша. Въ семъ засѣданіи Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, Г-изъ Лебо, читалъ донесеніе о дипломатическихъ сношеніяхъ.

По приказанію Регенша, Г-изъ Лебо написалъ, 9-го Мая, ноту къ Голландскому Министру Иностранныхъ дѣлъ, въ которой предлагаеиъ

выслать трехъ Голландскихъ и трехъ Бельгійскихъ Коммисаровъ въ Ахенъ или Валансьеннъ, для взаимнаго объясненія безъ всякаго поссторонняго посредничества.

Бельгійскій Министръ Иностранныхъ дѣлъ носылалъ во Франкфуртъ Г. на Михелиса, чтобы предложилъ Предсѣдателю Германскаго Сейма принятіе Регента Бельгій въ Конфедерацію, какъ главу Великаго Герцогства Луксенбургскаго; но Баронъ Мюнхъ-Беллингсгаузенъ отвѣчалъ ему, что не знаетъ Регента Бельгій и не можетъ принять ни какого предложенія объ исключеніи Дома Нассаускаго изъ Конфедераціи. — Комендантъ принадлежащей Германскому союзу крѣпости Луксенбургской приказалъ отобрать у жителей семи окружныхъ деревень оружіе, розданное имъ Бельгійскимъ Правительствомъ.

Г-нъ Аберкромби, замѣнившій въ Брюсселѣ Лорда Понсонби, получилъ приказаніе употребить свое посредничество для предупрежденія возобновленія военныхъ дѣйствій между Голландією и Бельгією; онъ немедленно отправилъ депешу въ Гагу.

И т а л і я.

Спашель-Секретарь Кардиналь Бернешпи обнародовалъ, 30-го Апрѣля, по повелѣнію Папы, эдиктъ о всепрощеніи, заключающійся въ слѣдующемъ: Все участвовавшіе въ возмущеніи и оставившіе Папскія владѣнія будутъ судимы и наказаны, если возвращаясь безъ особеннаго позволенія; шть, которые захотѣли защищаться и оправдываться, могутъ присылать свои прошенія въ учрежденія для сего Военную и Гражданскую Коммисіи, изъ коихъ послѣдняя переводится въ Римъ. Папа даруетъ полное прощеніе всѣмъ тѣмъ, кто не подходитъ подъ слѣдующіе три разряда: 1) виновныхъ въ пресупленіи измѣны противъ свѣтской власти Папы; 2) въ военной измѣнѣ вступленіемъ въ революціонную армію; и 3) въ обнародованіи прошивныхъ Вѣрь и возмущительныхъ со-

чиненій, въ областяхъ, впавшихъ во власть мяшежниковъ.

Т у р ц и я.

По извѣстіямъ изъ Константинополя отъ 10-го Мая, Верховный Визирь совершенно разбилъ при Перлипе Мустафу Пашу Скодринскаго и соединившихся съ нимъ пятерыхъ мяшежныхъ Пашей; около 4000 человекъ положено на мѣстѣ. Визирь овладѣлъ лагеремъ, обозомъ, артиллеріею мяшежниковъ, и намѣревался идти къ Кіопрали. 3-го Мая было другое сраженіе при Текіушѣ, по дорогѣ отъ Перлипе къ Кіопрали, въ дефилеяхъ, гдѣ 20,000 мяшежниковъ претерпѣли вторичное пораженіе и лишились всѣхъ снарядовъ. Они бѣжали и остановились въ Ханѣ Япо, по ту сторону Кіопрали; но и тамъ были настигнуты Верховнымъ Визиремъ и разбиты. Онъ продолжаетъ преслѣдовать ихъ. Хотя и говорятъ, что Мустафа Паша ушелъ въ Ускюпъ, но неизвѣстно достоверно, гдѣ онъ находится.

Р а з н ы я и з в ѣ с т і я.

Прусское Правительство приняло предохранительныя мѣры противу внесенія холеры. По всей границѣ, отъ Мемеля до южной оконечности Верхней Силезіи, пропаянута военная цѣпь, и въ разныхъ мѣстахъ учреждены карантинныя. Суда, приходящія въ Прусскія гавани изъ Балтійскихъ портовъ, должны предъявлять свидетельства о благополучномъ состояніи шхъ мѣстъ, откуда они отправлены.

Мая 23.
